
Будущее интеллигенции в социальной структуре общества Постмодерна¹

Р. И. Анисимов

кандидат социологических наук,
доцент Российского государственного гуманитарного университета (Москва)

Мир, пребывающий в состоянии «текущей современности» приводит к трансформации сложившейся социальной структуры. Глобализация, развитие новых технологий, коррозия социальных государств, экспансия рыночных отношений на большинство социальных институтов дает жизнь новым социальным стратам, а также меняет сами типы стратификационных систем, структурируя общества по новым параметрам. Эти процессы не могли не затронуть интеллигенцию как социально-профессиональную группу. В настоящий момент в российском обществе наблюдается усиливающаяся межстратовая и внутристратовая социально-экономическая дифференциация. Из «старых» страт вырастают новые, имеющие общим основанием историю, но все больше расходящиеся пути настоящего существования и совершенно различные перспективы в будущем. Интеллигенция стремительно поляризуется. Появляются успешно адаптировавшиеся к современной фазе капитализма представители этого слоя, перенимающие новобуржуазные практики потребления, создающие и распространяющие альтернативные большинству населения нормы-ценности. Новый слой произрастает из старого, но в процессе дальнейшего развития имеет все меньше точек пересечения с «родительской» стратой.

Этот процесс не является российской спецификой, он протекает в большинстве капиталистических стран и отражает технологическую, социальную, культурную и политическую трансформацию капиталистической системы. В 2002 г. американский ученый Ричард Флорида,

1. Статья выполнена при поддержке РФФ, проект № 18-18-00024.

предположил, что в настоящее время в экономике протекает «никим не замеченный глубинный процесс — формирование такого значимого экономического фактора, как креативность, а также рождение нового социального класса — креативного» [Флорида, 2016: 9]. Флорида считает, что общество начинает структурироваться по уровню креативности его членов. Креативность определяется им как «способность создавать значимые новые формы» [Флорида, 2016, с. 58]. Автор подчеркивает, что приоритет в складывающемся обществе займут люди, занимающиеся творческими задачами, создающие уникальный продукт. Эти люди окажутся на вершине новой стратификационной пирамиды, в основании которой окажутся индивиды, чья способность к творчеству окажется на минимальном уровне. Эти люди будут выполнять рутинную работу и в перспективе будут заменены роботами. По Р. Флориде, существуют профессии, в которых создание нового является основным стержнем рабочей деятельности. Они составляют суперкреативное ядро креативного класса. К ним относятся профессии: в области программирования и математики; в области архитектуры и инженерного дела; в области естествознания и социологии; в области образования, профессиональной подготовки и библиотечного дела; в области искусства, дизайна, развлечений, спорта и средств массовой информации. Периферию креативного класса (по терминологии Р. Флориды — креативные профессионалы) составляют специалисты профессий, в которых присутствует креативность, но она не является центральным элементом работы. Это управленческие профессии, профессии в области бизнеса и финансов, в области права, в области здравоохранения (врачи и технические специалисты), руководящие профессии в области продаж и управления продажами [Флорида, 2016: 371]. Из приведенного списка профессий становится очевидным, что интеллигенция как социально-профессиональная группа включена автором в структуру креативного класса.

Однако креативность — личностное качество, а не групповое. Творческими способностями обладают люди, а не структуры. Креативность как главный стратификационный принцип меняет социально-профессиональную стратификационную систему на культурно-символическую, в которой основным критерием, определяющим положение человека в обществе, является «неравный доступ к социально значимой информации, неравные возможности фильтровать и интерпретировать эту информацию, способность быть носителем сакрального знания (мистического или научного)» [Радаев, Шкаратан, 1996: 54]. Дифференциация в концепции креативного класса проходит не по группам, а внутри групп по личностным характеристикам.

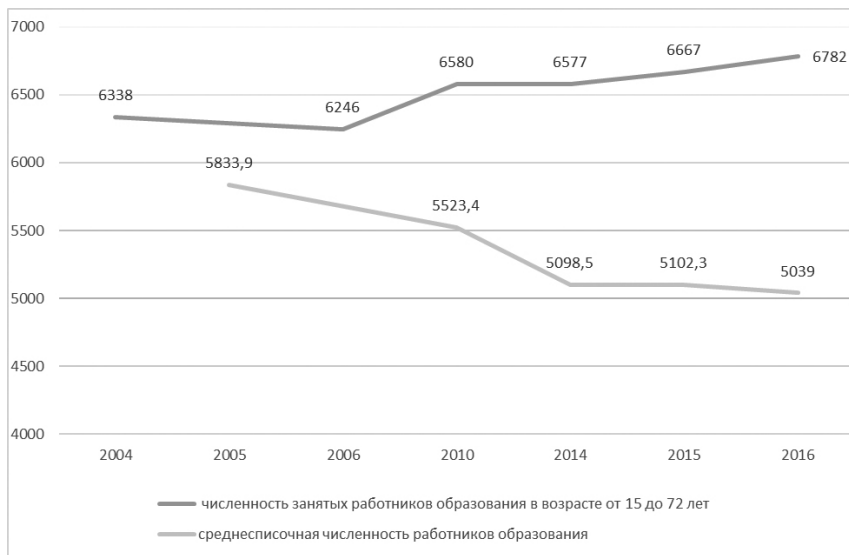
Профессии креативного класса, перечисленные Флоридой, создают предпосылки для творчества, но не являются необходимым фактором повышения социального статуса человека. Способность к творчеству, а тем более реальное творчество — уникальное свойство личности, присущее меньшинству, поэтому складывающаяся модель стратификации имеет элитарный характер. Структурная (групповая) мобильность заменяется индивидуальной, а общество приобретает квазикастовый характер. В этом обществе основным условием повышения статуса становятся социальный (связи) и символический (убежденность других в исключительных способностях) виды капитала, которые приходят на смену образовательному капиталу как основному способу вертикальной мобильности. В целом, модель креативного класса выполняет функцию идеологической легитимации сверхдоходов креативных персон, увеличению разрыва между стратами и сокращению среднего класса.

Формирование нового класса мы можем наблюдать в среде российской интеллигенции, порождающей успешных представителей креативного класса. Они, как правило, работают в институциях, скопированных с западных образцов и служащих «витриной» российской модернизации (Фонд «Сколково», Институт «Стрелка», ВШЭ, Музей современного искусства «Гараж» и др.). Этих институций чрезвычайно мало, как мало и представителей креативного класса в России, но они есть. Основными ресурсами для ангажирования в эти организации являются социальный и символический капиталы, а легитимация социального статуса их членов осуществляется с помощью создания образа «уникального, обладающего неповторимыми компетенциями специалиста, которого нельзя заменить». Так как таких институций в России мало, большинство интеллигенции не имеет возможности встроиться в них и поэтому они продолжают работать в институциях, созданных в эпоху Модерна. Эта эпоха характеризовалась массовой занятостью, структурной мобильностью и социально-профессиональной системой стратификации. В настоящий момент институты Модерна подвергаются коррозии и упадку и соответственно люди, занятые в них, ощущают снижение своего материального уровня и социального статуса в обществе.

Большинство интеллигенции становится не креативным классом, а прекариатом. «Прекариат — это формирующийся класс, который, с одной стороны, олицетворяет социальные слои, обладающие профессиональными знаниями, квалификацией, опытом и стремящиеся построить рациональные взаимосвязи с обществом и государством, с другой стороны — это быстро растущий слой работников нестабильного социального положения с неопределенной, флексибельной

(гибкой) степенью занятости, с неустойчивыми формами распределения прибавочного продукта и произвольной оплатой труда. Они полностью или частично лишены доступа к социально-правовым гарантиям и к средствам социальной защиты и, как следствие, не видят удовлетворяющих их перспектив гражданской (публичной) и личной (приватной) жизни» [Тощенко, 2018: 81]. К прекариату относятся: неформально трудоустроенные работники; работники, имеющие недозанятость, сверхзанятость, временную и неполную занятость; работники, имеющие сезонную и фрагментарную занятость, следом идет заемный труд и безработные. [Тощенко, 2018]. Прекаризованная занятость зависит от сферы экономики. Например, в сельском хозяйстве и в строительстве преобладает неформальная занятость, а в образовании распространяется формальная недозанятость, приводящая к фактической сверхзанятости (см. диаграмму 1).

ДИАГРАММА 1. Соотношение численности занятых работников образования и их среднесписочной численности (тыс. ч.).

Источник: Труд...2017:120; Рабочая сила...2018:48;
Экономическая активность...2006:66.

Исходя из приведенных данных, видно, что в сфере образования наблюдается и сокращение, и увеличение персонала одновременно. Как объяснить этот парадокс? Он получается вследствие разных мето-

дик подсчета. Списочный состав конструируется пропорционально отработанному времени (поэтому если 2 сотрудника оформлены на 0,5 ставки, то в списочный состав они входят как 1 человек, к тому же здесь исключаются внешние совместители, работающие по договорам ГПХ, женщины, находящиеся в отпуске по беременности, и студенты, отправляемые на обучение), тогда как в численность работников организации входят все, занятые в организации. Сравнение общей численности и списочного состава работников, на наш взгляд, хорошо отражает масштабы процессов прекаризации в сфере образования. Администрация сокращает ставки, переводя работников на неполную занятость. В 2016 г. 1 млн. 743 тыс. работников образования или каждый четвертый (25,7 %) от общей численности занятых в образовании, имел неполную занятость, и, как видно из графика, эта тенденция будет расти. Однако зачастую перевод на неполную ставку не означает фактического уменьшения рабочего времени, так как сокращаются часы на различные виды внеурочной работы (проверка домашних заданий, курсовые проекты, подготовка к занятиям). Но по факту работник тратит такое же количество времени на эти виды работ, что и раньше. Таким образом, формальная недозанятость означает фактически такую же занятость учителя или педагога, что была у него до сокращения ставки, но при этом оплачивается она меньше, а это приводит ухудшению их материального положения. Поэтому работники образования вынуждены искать дополнительную работу (в организации, в которой они работают или на стороне), чтобы компенсировать материальные потери.

Таким образом, оптимизация штата сотрудников и вытекающая отсюда формальная недозанятость приводит к фактической сверхзанятости учителей и преподавателей, что также является отклонением от установленной продолжительности рабочего времени и свидетельствует о другом аспекте прекаризации — сверхзанятости. По результатам нашего исследования практически каждый второй педагог (40,5 %) занимается подработкой, совместительством [Как живешь ...2018:73]. Схожие процессы происходят в сфере медицины и культуры. В них также наблюдаются процессы интенсификации труда при формальном росте недозанятости. Все это свидетельствует о массовой прекаризации интеллигенции.

Таким образом, интеллигенция, как относительно однородная социально-профессиональная группа, распадается. Она расщепляется на малочисленный креативный класс и на прекаризованное большинство. Вследствие этого в Российской Федерации оформляется квазисословная стратификационная структура. Креативный класс

будет институализировать, онтологизировать и воспроизводить свое доминирующее положение, а массовые слои интеллигенции будут продолжать терять свои социальные позиции, сформированные в эпоху Модерна. Будет формироваться мозаичная структура социальных страт без общей идентичности. Россия вслед за всем миром вступит в капиталистический Постмодерн. Этот мир будет конфликтным, социально разделенным и неблагоприятным для большинства населения, включая интеллигенцию, поэтому возрастет конструирование ретротопий [Бауман: 2019]. Массовые слои интеллигенции станут традиционалистски ориентированными, отвергающими будущее как источник опасности и неопределенности. Это будет происходить потому, что прекаризированной интеллигенции нет места в таком будущем. Эпоха Просвещения закончилась, поэтому нет необходимости в массовом слое хорошо образованных людей. Мир будет похож на позднее Средневековье, где найдется место небольшим слоям креативного класса, нужных для государственного престижа, и заменяемого автоматикой населения, требующего только «хлеба и зрелищ».

Для того, чтобы избежать такой перспективы, интеллигенции жизненно необходимо сконструировать и обосновать свою цель-функцию в складывающемся обществе. Необходимо ответить на вопрос «Зачем она нужна обществу?» при том, что старые ответы устарели. Ответ на данный вопрос и является самой насущной задачей интеллигенции сегодня.

Литература:

Бауман З. Ретротопия. / Пер. с англ. В.Л. Силаева: науч. ред. О.А. Оберемко. М.: ВЦИОМ, 2019.

Как живешь интеллигенция? Социологические очерки: коллективная монография / Отв. ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального проектирования и маркетинга, 2018.

Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2018: Стат.сб. М.: Росстат, 2018. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_61/Main.htm (дата обращения 02.02.2020)

Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация: Учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 1996.

Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018.

Труд и занятость в России. 2017: Стат.сб. М.: Росстат, 2017. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_36/Main.htm (дата обращения: 02.02.2020).

Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые создают будущее. / Пер. с англ. Н. Яцюк; науч. ред. Р. Хусаинов. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016.

Экономическая активность населения России (по результатам выборочных обследований) 2006: Стат.сб. М.: Росстат, 2006. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B06_61/Main.htm (дата обращения 02.02.2020).